

I

Было холодно.
Очень холодно.

За полчаса до рассвета термометр показывал одиннадцать градусов, и неприятный северо-западный ветер пронизывал до дрожи набившихся на крыше грузовика людей. Вдобавок к этому сводило руки в попытке не упасть с четырехметровой высоты, когда машину в очередной раз подбросит на колдобине.

Гасель Мугтар — свое имя он унаследовал от дальнего родственника, героически боровшегося с военной диктатурой, — прекрасно знал, что в таких рейсах надо вести машину со всей осторожностью, избегая несчастных случаев. Те, кто рисковал своей жизнью среди ящиков и мешков в набитом под завязку грузовике, конечно же, осознавали свою ответственность, оплачивая проезд, но было бы досадно, а точнее сказать, позорно добратся до места назначения, недосчитавшись пассажиров.

Несчетное количество раз он был вынужден останавливаться, чтобы подобрать вылетевших на дорогу сонь, которые не потрудились привязать себя к чему бы то ни было. Больше всего ему запомнился случай, когда один парень ночью упал на дорогу и сломал ногу. Никто не заметил его отсутствия, и он был бы съеден гиенами, если б другой грузовик не подобрал его через четыре дня.

Иншалла!

На то была воля Аллаха, чтобы тот парень выжил и научил жестокий урок, пусть и оставшись хромым.

Альберто Васкес-Фигероа

Несмотря на настойчивые предупреждения Гаселя до начала трудного и утомительного пути, большинство пассажиров его не слушали, считая себя храбрецами. Что им бесчисленные опасности пустыни, а свалиться с грузовика — это уж точно не про них!

Когда забрезжил рассвет, пассажиры все еще стучали зубами, но прошло не больше получаса, и жгучее солнце, неоспоримый властелин пустыни, снова вернувшись на трон, прогнало холод.

Следующие два часа с прекрасной видимостью и комфортными двадцатью градусами были бы самыми подходящими для путешествия, но, как это обычно случается, лопнула шина.

Иншалла!

Честно говоря, Гасель был даже благодарен тому, что это случилось не посреди ночи. Устранять неполадки при свете фонарика, выгрузив сонных замерзших пассажиров, не самая лучшая затея.

Он заглушил мотор, поставил грузовик на ручник, выпрыгнул из кабины и, убедившись, что переднее правое колесо действительно спустилось, отошел в тень невесть как оказавшейся здесь чахлой акации — повезло.

Его верный помощник Абдул попросил пассажиров выйти и напомнил, если кто забыл, что одним из условий при посадке была помощь в случае аварий и других неприятностей.

В этом требовании не было ничего особенного. Люди садились не в автобус, следующий по фиксированному маршруту, часто по графику, а в выдавший виды грузовик, и сразу было понятно, что случайностей не избежать.

Ветер, песок, разбойники, а в последнее время еще и джихадисты. Эти фанатики пытаются силой установить свои законы в стране, которая никогда не принимала никаких законов, кроме свободы веры. Все это либо увеличивало трехдневный маршрут вдвое, либо вообще исключало возможность добраться до пункта назначения.

Последний туarez

Иншалла!

Когда случалась авария вроде этой, было принято дать водителю отдохнуть, а тяжелую работу брали на себя другие. Справиться не так-то просто: гидродомкрат тонет в песке, и единственный выход — подпереть шасси толстым бревном и выкопать яму под колесом, чтобы можно было снять его и сменить запасным. Затем яму нужно закопать и утрамбовать, чтобы колесо обрело опору, и только после этого убрать бревно обратно в кузов, к бурной радости тех, кто этим занимался.

Так было и в этот раз. Постучав по тугому колесу ботинком, Абдул налил в стакан чай из термоса и направился к акации, где дремал его начальник. Теперь они могут возобновить путь, если только начальник сочтет, что пора трогаться.

Пассажиры смиренно ждали — в их глазах человек, способный управлять таким большим грузовиком и благополучно доставить их к месту назначения, учитывая, что маршрут не из легких, был достоин самого глубокого уважения.

Как гласит старая бедуинская поговорка, самые храбрые воины потерпят поражение, если у них не будет проводника, который знает, как привести их на поле битвы.

Гасель Мугтар был хорошим проводником.

И так было всегда.

Много лет назад он водил караваны, перевозившие соль, а теперь пересел за руль шумной машины, которая, хотя и сокращала время передвижений, не могла сократить расстояния.

Со стаканом чая в руках Гасель наблюдал за тем, как Абдул и пассажиры забираются в кузов, а забравшись, с присущим бедуинам терпением ожидали, когда водитель вернется в кабину. Он еще раз вспомнил старые времена, когда тот же маршрут проделывал на спине спесивого верблюда, у которого не было педали газа и коробки передач.

Альберто Васкес-Фигероа

Гасель был *имохагом* из рода *Кель-Тальгимус*, в чьих жилах текла самая благородная и чистая кровь, какую только можно было найти среди туарегов¹. Вести караваны через опасную пустыню всегда считалось великой честью в его роду.

Вожделение грузовика не было чем-то особенным.

Однако в тот день, когда сестра сообщила ему, что хочет выйти замуж, он был вынужден влезть в долги, чтобы обеспечить ей достойное приданое.

Гасель понятия не имел, что приданое невесты стоит так дорого, и это означало, что ему придется сменить работу. Вот как вышло, что вместо уздечки тихого дромадера теперь он держал в руках руль шумного механического монстра.

Раньше Гасель перевозил соль. В той отдаленной части пустыни, где ближайшее море прячется не за одной тысячей километров, она ценилась на вес золота. Но торговля ею оборачивалась убытками, если не перевозить ее на грузовиках, пусть ломающихся и прожорливых до бензина. Соль не портится со временем, а верблюды есть верблюды: идут медленно, питаются скудной растительностью, какую найдут, и неделями могут обходиться без воды. Однако даже караван из двухсот выносливых тварей приносил столь ничтожную прибыль, что о приличном приданом для сестры и мечтать не приходилось.

Зато владелец грузовиков платил щедро. И делал это потому, что осознавал, на какой риск идет. Всего три меся-

¹ Несмотря на разрозненность, обусловленную образом жизни (не всегда кочевым), туареги делятся на сословия. Племена (*техедже*) возглавляют *аменукалы* — вожди. Наиболее почитаемый слой общества представляют *имаджеганы* и *имохаги* — «благородные», «чистокровные». Аменукалы, как правило, избираются из имаджеганов. *Имгады* («козопасы») — это простые общинники, их большинство. *Икланы* («черные») — потомки негров-рабов. *Инислимены* — служители культа. Есть также другие социальные категории, связанные с родом занятий. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Последний туарег

ца назад два его грузовика с иммигрантами, направлявшемися в Алжир, чтобы добраться до Средиземного моря и попасть в Европу, к несчастью, сломались одновременно, и почти сотня мужчин, женщин и детей (целые семьи!) умерли от жажды после десяти или двенадцати дней блуждания по пустыне, несмотря на то что их искали военные.

Гасель знал одного из водителей. Тот был профессионалом, но даже ему не удалось избежать ужасной участи.

Иншалла!

Именно Господь в итоге указывает пути, по которым должны идти люди.

Даже туареги.

Он не спеша допил чай и вернулся в кабину. Но им снова не повезло — до наступления полудня спустилось уже другое колесо, а температура превысила сорок градусов. К счастью, рядом было подходящее для стоянки место, и Гасель позволил Абдулу снять часть брезента, закрывавшего кузов, чтобы использовать его как навес. Очень скоро солнце будет светить с западной стороны, раскаляя железо, но с противоположной стороны грузовика, обращенной на восток, тень позволит пассажирам худо-бедно переждать, пока не спадет зной. Ни люди, ни машины не в состоянии противостоять беспощадному солнцу, пока оно не начнет клониться к горизонту.

Убедившись, что с пассажирами все в порядке, Гасель Мугтар перекусил, взял висевшую в задней части салона старую винтовку и отошел подальше от чужих голосов, храпа и зловония, потому что после шести часов за рулем ему ужасно хотелось спать.

Он произнес свои молитвы, стоя на коленях на циновке, из которой потом соорудил крошечную палатку, свернулся калачиком и закрыл глаза. Абдул, внук рабов, потомок племени *котокоса* с озера Чад, имел кожу настолько темную, что его, дежурившего на крыше грузовика, не заметит ни

Альберто Васкес-Фигероа

один разбойник, от которых им не раз приходилось отстреливаться, так что можно было расслабиться.

В абсолютной тишине, без платка, закрывавшего его лицо в присутствии посторонних, Гасель достаточно отдохнул, чтобы снова сесть за руль и поскорее добраться до места назначения. Мотор не подвел, проколов больше не было, и после двух часов ночи он, сдав ключи от машины, направился к дому, в котором отсутствовал одиннадцать дней.

* * *

Ассалама даже не взглянула на человека, который мгновением раньше настойчиво ломился в дверь.

— Что происходит? — спросила она, даже не удосужившись поприветствовать его. — Чего шум поднял? Мой сын отдыхает.

— Мне надо поговорить с ним.

— Приходи завтра. Он вернулся из долгой поездки и очень, очень устал.

— Моя была дольше, и я не могу ждать... — был сухой ответ на языке *тамашек*¹. — Меня зовут Хасан, и я «зебра».

После того как он представился, отношение женщины изменилось как по волшебству. Она провела его во внутренний дворик. В нем росло ее самое драгоценное сокровище — одно из девяти деревьев в долине и, вероятно, самое зеленое, что делало его единственным местом в округе, где в полдень можно комфортно поболтать, не задыхаясь от жары.

Всего через несколько минут появился Гасель Мугтар. Он почтительно поприветствовал нежданного гостя по древней традиции туарегов:

¹ Основной язык туарегов (есть разновидности, связанные с местом локации).

Последний туарег

— Метулем, метулем!

— Метулем, метулем! — ответил ожидающий его человек.

— Чем я могу быть полезен?

Незнакомец подождал, пока Ассалама поставит перед ними поднос с чайником, стаканами, пирожными и финиками, а когда заметил, что она удаляется, остановил ее жестом:

— Останься! То, что я хочу сказать, касается тебя самым непосредственным образом.

Добрая женщина помедлила, посмотрела на сына — тот сделал почти незаметный жест согласия — и, наполнив стаканы, села, скрестив руки на коленях.

Гость, назвавший себя Хасаном и «зеброй», подождал несколько мгновений, приподнял своего *«анагад»* на несколько сантиметров, чтобы сделать глоток, и кивнул, одобряя качество заварки.

— Я здесь, потому что, как вам известно, туареги — это народ, которого боятся, которым восхищаются и которого уважают на протяжении тысячелетий. Согласно традиции *гараманты*, наши предки, отправились покорять необъятные пустыни, в которых никто и никогда не осмеливался оспаривать нашу гегемонию. — Он сделал короткую паузу, снова глотнул и, сделав что-то вроде глубокого вздоха, добавил: — Мы всегда были благородной и гордой расой, славу которой заслужили, страдая от бесчисленных лишений. Но не так давно презренная группа людей одной с нами крови запятнала грязью доброе имя туарегов...

Хозяин дома кивнул, соглашаясь с гостем, а тот продолжил:

— Более миллиона туарегов, веками живших в десятках стран, не могут позволить паре сотен отщепенцев, кем бы они ни были — подлыми наемниками или фанатиками, поддавшимися экстремистской идеологии, — разрушить наше славное прошлое и погубить будущее наших детей... —

Альберто Васкес-Фигероа

Он сделал паузу, чтобы придать большую силу своим словам, и решительно произнес: — Чтобы противостоять этому, было принято логичное и оправданное решение: виновные — все виновные! — должны быть уничтожены.

— Что именно вы имеете в виду? — встревоженно спросил Гасель.

— Я сказал то, что сказал: их нужно уничтожать, где бы они ни находились, пусть даже они наши собственные братья или наши дети.

— Это значит убивать их?

— Это значит казнить их, — быстро пояснил гость. — Не должно остаться никого из них: ни туарегов по рождению, ни тех, кто закрывает лицо платком и выдает себя за туарегов, чтобы творить злодеяния.

Ассалама собралась что-то сказать, но не решилась, и Хасан подтолкнул ее:

— Говори без стеснения. Как я уже сказал вам, это напрямую вас касается.

Женщины обычно не вмешиваются в разговоры мужчин о «военных делах», но мать Гаселя Мугтара осмелилась на довольно категоричное высказывание:

— Казнить их без предварительного суда означало бы поставить себя на один уровень с ними.

— С варварами можно бороться, только будучи еще бóльшими варварами, — прозвучал резкий ответ. — Эти ублюдки, дети одноглазой верблюдницы, не уважают ни женщин, ни детей, ни священные правила гостеприимства. Они высмеивают слова Пророка, интерпретируя их и искажая по своему усмотрению, и, если бы это не было ересью, я бы осмелился сказать, что они заслуживают позорной участи: чтобы их похоронили, завернув в свиную шкуру.

— Прошу тебя!..

— Извини! Я не должен позволять гневу овладевать моим духом, но иногда я ничего не могу с этим поделать.

Последний туарез

Представьте только, мы узнали, что они в числе прочего пропагандируют варварский ритуал обрезания среди собственных дочерей!

— Но это же невозможно! — возразила возмущенная Ассалама.

— Это так.

Гасель Мугтар предчувствовал, что его монотонное, но в целом мирное существование изменится после визита Хасана. Он осторожно поставил свой стакан на поднос, прежде чем задать вопрос тоном, выражающим искреннюю и глубокую озабоченность.

— Если, как ты говоришь, ты и есть «зебра», а не простой посланник, хотелось бы знать, чего от меня ждут.

— От тебя ожидается выполнение твоих обязанностей туарега. Тебя выбрали, потому что считают отличным стрелком, а также большим знатоком пустыни. Кроме того, ты одинок, а это значит, что, пав в бою, ни вдов, ни сирот ты не оставишь.

— Он оставит свою мать беспомощной... — вздохнув, заметила Ассалама.

— В этом случае его мать могла бы гордиться жертвенностью своего сына... — прозвучал резкий ответ. — Имей в виду, те, кто мог бы стать его женами, найдут себе других мужей, с которыми, несомненно, породят новых туарегов, а ты уже не в том возрасте, чтобы сделать это.

— Это окончательное решение? — с тревогой и горечью спросила Ассалама.

— И необратимое, — кивнул гость.

— Для меня это — само собой разумеющееся, — отметил Гасель с интонацией человека, который без протеста принимает все, что преподносит ему судьба. — Но дело вот в чем. Я всегда знал, что мой пульс будет ровным, когда нужно будет убить врага на поле боя, но я не так уверен, что смогу хладнокровно убить кого-то не в бою.